

DOI: 10.15643/libartrus-2020.3.4

Стилистические особенности и функции текстов вторичной культуры в научно-фантастической прозе (на материале романов «Реквием по пилоту» А. Ляха и «Я, Хобо: Времена смерти» С. Жарковского)

© Д. Д. Ложкина

Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

Email: salieri09@gmail.com

Статья посвящена типичному для фантастической прозы явлению текста вторичной культуры. Автор указывает на важную роль таких текстов в создании фантастического мира, поддержании баланса между правдоподобием и остранением и раскрытии идейно-художественного содержания произведения. Исследование текстов вторичной культуры проводится на основе стилистического и функционального анализа, а также анализа текстовых типов, что позволяет выявить особенности трансформаций речевых жанров под влиянием прагматических установок автора и произведения и языковые средства, с помощью которых данные трансформации осуществляются автором. Хотя все тексты вторичной культуры являются средством убеждения читателя в правдоподобии изображаемого фантастического мира, важно определить роль каждого отдельного такого текста. Этим обусловлено то, что анализ производится на двух уровнях – уровне произведения и уровне отдельного текста вторичной культуры, – что позволяет выявить как их значение в структуре художественного текста в целом, так и функции отдельных текстов, которые могут служить для изложения экспозиции, характеристики и оценки героев и их поступков. Особое внимание уделяется проблеме соотношения понятий «текст вторичной культуры» и «вторичный текст». Автор отмечает, что тексты вторичной культуры находятся в сложном взаимодействии с культурой фантастического мира и с культурой реальной, при этом они часто предназначены для восприятия как «существующие» в изображаемом мире, а адекватная рецепция многих из них зависит от текстотипологической компетенции читателя, а не от филологического контекста. Все это обуславливает возможность разделения данных понятий при анализе отдельных текстов вторичной культуры. В романах «Реквием по пилоту» А. Ляха и «Я, Хобо: Времена смерти» С. Жарковского тексты вторичной культуры используются авторами по-разному, но исследование показывает, что они играют важную роль в создании эстетического эффекта произведений и участвуют в раскрытии их идейно-художественного содержания.

Ключевые слова: фантастическая проза, вторичная культура, гетерогенность текста, стилизация, монтаж текстовых типов, речевые жанры.

Одной из особенностей фантастической литературы является создание автором мира со своей собственной культурой, которая отражается артлангах [11, с. 15–19], необычной «языковой ситуации», реалиях, изображаемых с помощью стилистических трансформаций естественных языков и других лингвистических приемов. Эта вторичная культура делает фантастический мир более правдоподобным, позволяет читателю проникнуть в его внутреннюю логику; при этом за счет использования различных языковых средств рецепция текста

деавтоматизируется. Сам факт наличия собственной культуры у фантастического мира служит своего рода «гарантом правдоподобия», представляя собой «повествовательную симуляцию реализма» [1, с. 14].

Важными элементами вторичной культуры являются включенные в повествование тексты, существующие только в мире произведения. Хотя прием «текст в тексте» распространен и в реалистической литературе, в фантастике такие тексты играют особую роль, они позволяют автору создать «отношение вторичного фантастического мира к самому себе, переживание себя» [5, с. 88], служат своего рода «ссылкой на авторитет» при изображении необычайного. Для их обозначения в данной работе мы вводим термин «текст вторичной культуры». Таким образом, целью нашего исследования является выявление структурных и стилистических особенностей таких текстов и функций, которые они выполняют в повествовании (на примере романов «Реквием по пилоту» А. Ляха и «Я, Хобо: Времена смерти» С. Жарковского), на основе следующих методов: анализ текстовых типов, стилистический и функциональный анализ.

Отличительной особенностью фантастической литературы является функционально-стилистическая гетерогенность, которая реализуется через монтаж текстовых типов, т.е. через «соединение нескольких текстовых экземпляров, которые принадлежат в отдельности разным текстообразующим моделям, но выражают единую функцию» [12, с. 117–118]. Следовательно, тексты вторичной культуры, включенные в повествование, являются неотъемлемой частью художественного произведения и служат созданию эффекта правдоподобия изображаемого фантастического мира, их основной функцией становится убеждение. Здесь важно отметить специфику реализации этой функции в фантастике: средство убеждения (в данном случае – текст вторичной культуры) повествует о нереальном, как не существует и то, в чем читатель должен «убедиться» (т.е. фантастический мир). Эффективность текстов вторичной культуры основана на лингвокреативной игре между читателем и текстом, которая позволяет первому «приостановить неверие» (*suspension of disbelief* [13]) и воспринимать данные тексты как «существующие» в рамках данного произведения.

Нельзя утверждать, что функция убеждения является для текстов вторичной культуры единственной: как мы покажем далее, каждый такой текст выполняет собственную функцию в произведении, будь то характеристика героев и их действий, оценка, включение в повествование необходимой для читателя экспозиции и др. Функция убеждения не всегда является основной для текстов вторичной культуры, она представляется нам, скорее, сущностной: каждый такой текст, будучи элементом культуры фантастического мира, является частью авторской стратегии воздействия на читателя, которое осуществляется различными языковыми средствами, поддерживающими в произведении баланс между правдоподобием и острашением.

Можно выделить два уровня анализа текстов вторичной культуры:

1. Уровень произведения, на котором необходимо установить то, как такие тексты включаются в повествование, их место в структуре романа в целом, влияние прагматических установок автора и текста на их специфику. На данном уровне тексты вторичной культуры рассматриваются в целом, как средство воздействия на читателя, как часть авторской стратегии.
2. Уровень отдельных текстов вторичной культуры. На этом уровне рассматриваются стилистические особенности данных текстов, которые позволяют читателю опознать их принадлежность к тому или иному жанру и их функции в повествовании.

Важным является вопрос о соотношении понятий «текст вторичной культуры» и «вторичный текст» [3]. Очевидно, что вторичные тексты являются родовым понятием по отношению к текстам вторичной культуры, которые часто создаются с помощью стилизации. Но при анализе нам представляется возможным разделить данные понятия на следующих основаниях:

1. Адекватная рецепция текста вторичной культуры основывается не на знании вертикального контекста, а прежде всего на рецептивной текстотипологической компетенции, т.е. способности «безошибочно распознавать текстовые особенности и идентифицировать какой-либо текстовый экземпляр в его типологической принадлежности» [12, с. 76]. Данная компетенция и восприятие вторичных текстов действительно основываются на фоновых знаниях [12, с. 75–76], но неверно было бы утверждать, что «сама семантика» текстов вторичной культуры «не может быть понята без филологического контекста, без адекватного фонового знания читателя» [3, с. 6]. Фоновое знание, требуемое для понимания данных текстов, относится, скорее, к общей коммуникативной компетентности читателя, а не к филологическому контексту.
2. В рамках лингвокреативной игры тексты вторичной культуры часто не предназначены для восприятия как вторичные, они призваны имитировать «реально существующие» в фантастическом мире произведения.
3. Такие тексты находятся в сложном взаимодействии с культурой фантастического мира и с культурой реальной: например, текст вторичной культуры может являться вторичным текстом, непосредственно связанным с известным читателю реально существующим протословом [3], в то же время отражая культуру изображаемого художественного мира (в контексте которого данный текст вторичным не является); с той же вероятностью он может являться пародией на другой текст вторичной культуры, обнаруживая разве что формальную (в отношении типа текста) связь с протословом.

Возможность разделения понятий «вторичный текст» и «текст вторичной культуры» соотносится с теми уровнями анализа, которые мы выделили выше: 1) на первом уровне анализа тексты вторичной культуры рассматриваются как вторичные тексты, которые с помощью стилизации или других средств созданы автором и включены в повествование с целью создания эффекта правдоподобия фантастического мира; 2) на втором уровне данные тексты рассматриваются как «реально существующие» элементы вторичной культуры, которые читатель распознает как принадлежащие к определенному текстовому типу (на основе стилистических, формальных или других признаков) и каждый из которых выполняет различные функции в повествовании.

Объектом исследования стали два научно-фантастических романа российских авторов: «Реквием по пилоту» (2000) А. Ляха и «Я, Хобо: Времена смерти» (2006) С. Жарковского. В данных произведениях активно используется прием «текст в тексте», что позволяет выявить лингвопоэтическую значимость и функцию текстов вторичной культуры, при этом оба романа являются крайне сложными стилистически и структурно, в них множество аллюзий, авторы синтезируют в рамках научно-фантастического допущения мотивы и образы, характерные для фэнтези (несмотря на различие рациональной и *fantasy*-посылки [7, с. 57–125]).

В выбранных нами произведениях тексты вторичной культуры используются авторами по-разному. Наибольший интерес для исследования представляет чрезвычайно структурно сложный роман С. Жарковского «Я, Хобо: Времена смерти». Сюжет романа рассказывает о далеком будущем, где герои строят Трассу Земля – Дальний Космос по приказу Императора.

Космонавты, «космачи» – клоны, которые родились уже в космосе и никогда не видели Землю, являются «пионерами» строительства Трассы. У них свой образ жизни, культура и свой диалект. Главный герой, Марк Байно, читает мемуары, адресованные самому себе. И хотя эти мемуары действительно повествуют о произошедших событиях, он не всегда является их непосредственным участником или свидетелем, они включают в себя множество текстов различных жанров (лекции, радиовыступления, записи совещаний, переписки персонажей).

Итак, рассмотрим прежде всего то, как в роман включен сам текст мемуаров. В прологе повествование ведется от лица автора-рассказчика, напрямую обращающего к читателю («...вы не знаете меня, а я не знаю вас, но коль уж вы здесь, а я здесь и был, – я помогу вам увидеть звездолет, склоняющийся в надримане над одинокой проксимой Центавра», «Всмотритесь – я показываю пальцем. Дальний от нас угол отсека. Ближе, ближе, обойдите палатку, обопритесь на консоль. Что вы видите?») как если бы он реально присутствовал в описываемом пространстве. Вопросы с контактоустанавливающей функцией, императивы, активное использование местоимений первого лица множественного числа (мы, нас) в качестве маркеров включения в группу и указательных местоимений и частиц («Вот это (ых!-ых!-ых!) – климатизатор», «Вот, нам здесь») – все эти языковые единицы являются средствами воздействия на читателя, приближая его к рассказчику, который как бы отстраненно наблюдает за персонажами и развивающимися событиями (пробуждением главного героя, который затем находит свои мемуары), что задает модус прочтения всего романа.

Обращает на себя внимание имитация особенностей медиа, содержащих тексты вторичной культуры. Например, текст мемуаров состоит из различных файлов и приложений к ним (что само по себе является имитацией гипертекста), которые хранятся на персональном модуле героя и которые необходимо загружать, а прежде – получать доступ. Все это отражается в тексте:

Ореховый дисплей вспыхнул:

приветствие

txtbx samsung-must

iuecyilq65

@IBMgreENTown-1000001

profile: personal

...

сканирование радужки

...

идентификация: Аб... ОК

предварительный доступ в режиме „только для чтения“ разрешен!!!внимание

!!!доступ к каждому следующему блоку текста открывается командой

...

дорогой Марк!

вот и прошло много-много лет <...>

<...>

настройка завершена

file 0.0

subject: от автора

created:15.09.124 UTC

author: Байно „Хобо Аб“ Марк
current music: MS2DO Elena Starilova: „Gospel Of Bach“
txt: помимо того, что ты <...>

Переход от привычного читателю повествования к такому необычному оформлению текста затрудняет его прочтение, но и деавтоматизирует восприятие, позволяет эффективно симитировать особенности медиа: обилие многоточий, прерывающих поток компьютерных команд, отражает время загрузки процессов, восклицательные знаки предшествуют важным сообщениям, отсутствие точек и запятых между командами позволяет создать ощущение не связанного текста, а сменяющихся на экране загрузки данных. Повествование оформляется как совокупность отдельных файлов и приложений к ним, сопровождаясь данными о теме, авторе, дате создания и т.д. С точки зрения структуры романа, такое оформление текста вторичной культуры соотносится с хронотопом, т.к. писатель возвращает читателя к «настоящему» героя, четко обозначая переход между составляющими мемуары файлами:

end of file
ввести код
19728
код принят
file 1.12

Таким образом, данные мемуары представляют собой различные по жанру тексты, единство которых обусловлено интенцией героя, который является их автором и намеренно включает те или иные «файлы» в свое произведение. «Мемуар» (как Марк Байно сам определяет свой текст) является продуктом культуры фантастического мира, которая влияет в том числе на его структурные особенности: герой лишь поверхностно знаком с культурой Земли, следовательно, его представление о тех или иных типах текста отличается от привычного читателю, чем объясняется композиционное своеобразие его мемуаров; «гипертекстуальность» и «мультимедийность», имитации которых уделяется большое внимание, отражают уровень технологического развития изображаемого мира и его влияние на характеристики текста. Следовательно, текст вторичной культуры трансформируется под ее влиянием и наглядно демонстрирует читателю ее особенности с помощью структурного и стилистического оформления текста и характеризует героя через его творчество как представителя изображаемого общества.

Рассмотрим одно из «приложений», которое представляет собой имитацию фрагмента аудиозаписи лекции. Прежде всего отметим, что жанр текста и медиа эксплицитно отмечаются в данных «файла»:

ПРИЛОЖЕНИЯ К 2.x
file 2a
исходник: „spassky igor archive“
subject: лекция Люка „Шкаба“ Ошевэ
created: 12.01.122 UTC
местоимение: клуб отца Спасского
audio:...

Следовательно, важен не вопрос о том, как читатель распознает жанр данного текста, а как в нем трансформируются типичные черты жанра лекции (и что это сообщает читателю об изображаемом мире), какими языковыми средствами имитируется медиа и какую функцию в романе выполняет данный текст.

В «файле» легко выделить две страты: заготовленные персонажем материалы источника (еще один текст вторичной культуры, который в данном случае служит «ссылкой на авторитет»), содержащего «официальную» информацию (которые оформляются в тексте как цитаты) и собственно комментарий самого Люка Ошевэ («Ум-м. Кавычки. Однако ж, „Тринадцатая открывалась очень тяжело – безумным напряжением экономики двух пограничных Молодых земель, и, тем не менее, при почти половинном дефиците бюджета состоявшейся конкисты“. С чем мы нас и поздравляем. Абзац»).

Текст, относящийся к первой страте, содержит своего рода историческую справку и имеет признаки научного стиля речи (использование терминологии, обращение к точным данным, отсутствие средств выразительности: «доступные нам технологии позволяют перемещение обитаемых масс в надримане без временных aberrаций и применения наркотических процедур, защищающих мозг человека от травм сознания, только на провешенной дистанции», «Тринадцатая открылась при наличии в значении ожидаемой успешности тридцати восьми сотых риска»). При этом важно, что даже здесь наблюдаются типичные для культуры космачей языковые особенности, например, смешение устаревшей и сниженной лексики и канцеляризмов: «резоны ее открытия», «тривиально знать, что», «финишного приемника-передатчика, сиречь Колодца». Так, читатель может распознавать в диалекте космачей различные функциональные стили.

Вторая стратегия, являясь комментарием лектора, отличается активным использованием сниженной лексики, языковых единиц с преобладающей экспрессивной функцией («Какое там профицит, реябтки!», «Носители и оборудование с грехом пополам привести к предстарту удалось», «Хрен, я так скажу, ему – и нам всем – вышло»), которые являются признаками разговорного стиля. В то же время в тексте появляются типичные для лекции (хотя и не соответствующие ей с точки зрения стиля) языковые средства (императивы, вопросительные предложения), направленные на поддержание контакта с аудиторией, организующие поток данных, что мотивировано образовательной направленностью жанра: «Абзачик там выставьте», «Я не быстро движусь? Осознаваете?», «Слушайте», «записывайте, записывайте, мало ли когда пригодится...». Отметим, что в тексте довольно большое количество междометий («Ум-м...», «М-мум...», «нуивот»), которые являются средствами имитации записи «живой речи» в тексте.

В целом в данном тексте сохраняются основные особенности жанра лекции (установка на обучение, обращение к аудитории, изложение информации по какой-либо теме, обращение к источникам, сохранение общей структуры), но он трансформируется под влиянием культуры фантастического мира, к которой и относятся говорящие, порождающие текст. На содержательном уровне комментарий героя раскрывает не соответствие официальной версии событий с реально произошедшим, что подчеркивается стилистическим контрастом двух пластов текста.

Данный текст вторичной культуры отражает один из конфликтов произведения: реальное положение космачей противопоставляется «мифу» об их жизни, который изображается в документах и других текстах (авторами которых становятся или они сами, или эксплуатирующие их земляне). Важно и то, что текст содержит необходимую для читателя экспозицию, которая помогает объяснить те события и явления в романе, которые не раскрывались ранее. Так, нарушение канона [12, с. 130–131] в текстах вторичной культуры стилистически маркировано и выполняет лингвопоэтическую функцию, раскрывая идейно-художественное содержание романа.

Тексты вторичной культуры в романе С. Жарковского «Я, Хобо: Времена смерти» позволяют автору изобразить убедительный фантастический мир, специфика которого оказывает влияние в том числе и на тексты, создающиеся населяющими его персонажами, через которые раскрывается художественное содержание произведения в целом.

В романе А. Ляха «Реквием по пилоту» автор не создает такой же сложной системы текстов в рамках вторичной культуры, тем не менее и они служат эффективным средством создания правдоподобного мира. Как и в романе С. Жарковского, текстам предшествует указание на жанр, которое устанавливает ожидания читателя относительно стиля, «авторитетности» источника, которая может определять степень доверия к информации и т.д.: «„Интеллидженсер“ писал так», «Из книги Майкла Кроунфорда „Шесть чисел Джона Кромвелля“», «Отрывок стенограммы совещания отдела Ричарда Бартона-младшего в Управлении криминальной полиции города Ганновера. 462 год».

Отметим, что в романе не наблюдается нарушения канона тех или иных жанров в текстах вторичной культуры, что обусловлено близостью самого изображаемого фантастического мира к реальности: в произведении множество знакомых читателю реалий, даже другие планеты похожи на Землю, что проявляется в том числе в реалиях (так, например, в Стимфале, столице планеты Тяжелой, можно встретить отель «Томпсон», который наводит на мысль об архитекторах О. Нимейере и М. Брейере, или Национальную галерею, «сооружение в неоклональном стиле с двухэтажной колоннадой»).

Интерес для анализа представляет использование «пересказа» как средства включения текстов вторичной культуры: «„Музыкальный курьер“ „Интеллидженсера“ написал, что исполнение было inferнальным», «Согласно „Интеллидженсеру“, основная борьба обещала развернуться между чемпионом мира Эдгаром Баженовым на „Викинге“ и Такэдой Сингэном на „Окинаве“». Имитация «пересказа» текстов вторичной культуры (с помощью типичных для этого типа речевой деятельности конструкций: обстоятельственного оборота «согласно чему-то/кому-то» и сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным) одновременно является «ссылкой на авторитет» и показывает то, как культура фантастического мира дает оценку происходящим событиям, расширяя перспективу читателя, который получает возможность сравнить то, как воспринимают те или иные явления герои, и то, как они же освещаются, как в данном случае, в СМИ.

Каждый полет героя, участвующего в чемпионате по высшему пилотажу, в романе описывается в статьях еженедельника «Интеллидженсер». Текст вторичной культуры, в котором активно используются языковые единицы со значением оценки и средства выразительности, свойственные публицистическому стилю («подобного летного совершенства ему еще никогда не удавалось показать. Особенно впечатляет стартовый каскад – это фейерверк, взрыв, самолет демонстрирует все шесть степеней свободы на максимальной скорости, а фигуры укладываются одна в другую, как русские матрешки»), позволяет читателю подтвердить ту оценку действий героев, которая складывается из предшествующего описания полета, делает фантастический мир более правдоподобным, т.к. он меняется и реагирует на события сюжета. В данном случае текст вторичной культуры противопоставляется тому, как сам герой переживает события, что открывает перед читателем две точки зрения – «общественную» и «частную» – и позволяет раскрыть важную для романа тему судьбы человека, становящегося пешкой в игре, масштаб которой он не представляет.

Таким образом, тексты вторичной культуры являются важнейшими элементами создания убедительного фантастического мира в произведении. Они оказывают воздействие на читателя и могут выполнять различные функции (изложение экспозиции, характеристика персонажей, оценка их действий), участвуя в создании эстетического эффекта произведения и раскрывая его идейно-художественное содержание.

Литература

1. Абраменко Е. В., Евсюкова Т. В. Повествовательные уровни в научно-фантастическом тексте и их мета-прозаические импликации // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2019. Вып. 8. №1(26). С. 13–16.
2. Валгина Н. С. *Теория текста*. М.: Логос, 2003. 173 с.
3. Вербицкая М. В. Теория вторичных текстов (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 47 с.
4. Гальперин И. Р. *Текст как объект лингвистического исследования*. М: КомКнига, 2006. 144 с.
5. Гусарова А. Д. Как создается мир фэнтези (к вопросу о требовании психологического правдоподобия в фантастике) // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2017. №1(162). С. 86–89.
6. Жарковский С. Я. *Хобо: Времена смерти*. Волгоград: ПринтТерра-Дизайн, 2005. 520 с.
7. Ковтун Е. Н. *Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (На материале европейской литературы первой половины XX века)*. М.: Изд-во МГУ, 1999. 308 с.
8. Ковтун Е. Н. *Художественный вымысел в литературе XX в.* М.: Высшая школа, 2008. 406 с.
9. Лях А. *Реквием по пилоту*. М.: АРМАДА, 2000. 480 с.
10. Олянич А. В., Рыльщикова Л. М. Лингвосемиотическая креативность в дискурсивном пространстве научной фантастики: Прологомены к определению // *Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание*. 2016. №4. С. 237–244.
11. Пиперски А. *Конструирование языков. От эсперанто до дотракийского*. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 224 с.
12. Чернявская В. Е. *Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 248 с.
13. Coleridge S. T. *Biographia literaria*, 1817. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/6081>.

Поступила в редакцию 14.05.2020 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2020.3.4

Style and functions of secondary culture texts in sci-fi prose (case study on “Rekviem po pilotu” by A. Lyah and “Ya, Hobo: Vremena smerti” by S. Zharkovsky)

© D. D. Lozhkina

*Bashkir State University
32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

Email: salieri09@gmail.com

The article is devoted to the typical for sci-fi prose phenomenon of the secondary culture text. Such texts play the important role in creating alternative worlds in fiction, maintaining a balance between plausibility and estrangement and revealing the artistic content. Secondary culture texts are examined using such methods as stylistic and functional analysis, as well as the analysis of text types, which makes it possible to identify the features of the transformation of speech genres under the influence of the author's intention and characteristics of the sci-fi genre and language means by which the transformation is carried out. Although all secondary culture texts are means of convincing the reader of the plausibility of the depicted worlds, it is important to determine the role of each such text in the narrative. Thus, the analysis of these texts is carried out at two levels – the level of the novel as a whole and the level of the individual secondary culture texts – which allows to reveal both their significance in the structure of the novel and the functions of individual texts that can serve to present the exposition, characterize and evaluate characters and their actions. Particular attention is paid to the problem of the relationship between the concepts of “secondary culture text” and “secondary text”. The author notes that the secondary culture texts are in a complex interaction with the culture of the fictional world and with the culture of the real one, while they are often intended to be perceived as “real” in the depicted world, and the adequate reception of many of them depends on the communicative competence of the reader, not the philological context. All this allows separating these concepts in the analysis of individual secondary culture texts. In the novels “Rekviem po pilotu” by A. Lyah and “Ya, Hobo: Vremena smerti” by S. Zharkovsky, secondary culture texts are used by the authors in different ways, but the study shows that they play an important role in creating the aesthetic effect of the novels and reveal the thematically relevant content.

Keywords: sci-fi prose, secondary culture, heterogeneity of text, stylization, montage of text types, speech genres.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Lozhkina D. D. Style and functions of secondary culture texts in sci-fi prose (case study on “Rekviem po pilotu” by A. Lyah and “Ya, Hobo: Vremena smerti” by S. Zharkovsky) // *Liberal Arts in Russia*. 2020. Vol. 9. No. 3. Pp. 186–195.

References

1. Abramenko E. V., Evsyukova T. V. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*. 2019. No. 8. No. 1(26). Pp. 13–16.
2. Valgina N. S. *Teoriya teksta [Text theory]*. Moscow: Logos, 2003.
3. Verbitskaya M. V. *Teoriya vtorichnykh tekstov (na materiale sovremennogo angliiskogo yazyka): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk*. Moscow, 2000.

4. Gal'perin I. R. *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as an object of linguistic study]*. M: KomKniga, **2006**.
5. Gusarova A. D. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. **2017**. No. 1(162). Pp. 86–89.
6. Zharkovskii S. *Ya, Khobo: Vremena smerti [Me, hobo: The times of death]*. Volgograd: PrintTerra-Dizain, **2005**.
7. Kovtun E. N. *Poetika neobychnogo: Khudozhestvennye miry fantastiki, volshebnoi skazki, utopii, pritchi i mifa (Na materiale evropeiskoi literatury pervoi poloviny XX veka) [Poetics of the extraordinary: Artistic worlds of fiction, fairy tale, utopia, parable, and myth (Based on the material of European literature of the first half of the 20th century)]*. Moscow: Izd-vo MGU, **1999**.
8. Kovtun E. N. *Khudozhestvennyi vymysel v literature XX v. [Fiction in the literature of the 20th century]*. Moscow: Vysshaya shkola, **2008**.
9. Lyakh A. *Rekvium po pilotu [Requiem for a pilot]*. Moscow: ARMADA, **2000**.
10. Olyanich A. V., Ryl'shchikova L. M. *Vestnik VolGU. Seriya 2: Yazykoznanie*. **2016**. No. 4. Pp. 237–244.
11. Piperski A. *Konstruirovaniye yazykov. Ot esperanto do dotrakiiskogo [Designing languages. From Esperanto to Dothraki]*. Moscow: Al'pina non-fikshn, **2018**.
12. Chernyavskaya V. E. *Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost' [Linguistics of the text: Multicoding, intertextuality, interdiscursiveness]*. Moscow: Knizhnyi dom «LIBROKOM», **2009**.
13. Coleridge S. T. *Biographia literaria*, **1817**. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/6081>.

Received 14.05.2020.